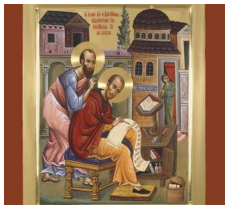
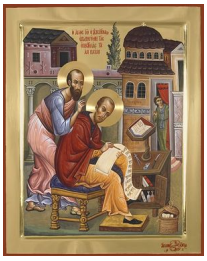
Автор: adm
27.11.2017 12:00 -

Один день в мире святого Иоанна Златоуста

Священник Иоанн Валентин Истрати

Святитель Иоанн Златоуст толкует Павловы Послания

Мы живем в меняющемся мире. Вокруг жизнь, смерть, прошлое, старение, переходы от одного этапа к другому. Люди становятся тем, чем были их родители, дети вырастают в юношей и превращаются во взрослых, старики уходят в землю, и всех безжалостно преследует призрак смерти. Так было всегда с тех пор, как стоит мир. Но наш стиль жизни усугубляет перемены и уходы до такой степени, что порой, если сердца наши чутки, эта пляска непостоянства болезненно давит, она проникает в бессмертную душу и отбрасывает тень небытия на вечные основания души.

Представим себе, каким был трудовой день в мире святого Иоанна Златоуста, написавшего столько книг, сколько не написали бы и десять человек, и таких толкований, для постижения которых нужна вечность. Представьте себе мир без единого механического шума, без машин, электрических лампочек, где глубокую ночную тьму прорезает лишь одинокая плошка, подвешенная над массивным Писанием, сшитым из овчинных кож, или удары лошадиных копыт о камни мостовой. Мир без

телевизора, интернета, мобильного телефона, Facebook□а, без поездов, гудков; мир, где скрежета автоматизированной материи не слышно вовсе. Мир беспроводной, то есть без сетей, без звуковых сигналов, без люминесценции, но полный благодати, жужжания пчел и блистания звезд. Мир без самолетов на небе, но полный птиц.

День, начинавшийся рано, но без будильника, а с пением петухов; мир с Божественной литургией, распеваемой протяжно, умиротворяюще, без микрофонов и динамиков, а голосами, идущими из груди, полной крепкого горного воздуха. Вспоминаю, как на Афоне святой старец Дионисий из Колчу шепотом рассказывал мне, что, когда пел великий Нектарий-протопсалт, перед ним образовывался сильный поток воздуха, ветер, полный мелодичной византийской гармонии, воскрешавшей из мертвых даже святогорские мощи.

Возвратимся ко дню святителя Иоанна. После небесного причащения тела Христова несколько тысяч голодных людей, столпившихся вокруг церкви, неспешно угощались от щедрот, собранных обличительной проповедью великого антиохийца.

Затем день продолжался изучением книг, долгим писанием, толкованиями, письмами в разные уголки империи, отсылаемыми сегодня, а доходившими через год, святительскими наставлениями, беседами со священниками из епархии, многой-многой молитвой, вычитыванием дневного круга церковного богослужения, правилом, а затем чтением ночью при свете лампы и сном на скамеечке или на деревянном ложе.

В то время у людей не было отдельных комнат, на всех была одна общая комната, одновременно служившая и гостиной, и столовой, и кухней, и спальней, так что по-братски делили все – от миски еды до плача младенца среди ночи. Монах, однако, имел свою келью, наполненную светом молитвы и смирения.

То, о чем я говорю, можно пережить – конечно, в очень малой степени, – если поехать в уединенный монастырь, на какое-то время погрузиться в его таинство молитвы и покоя. Но потом придется вернуться в городскую сутолоку. Так было и со мной. Два месяца летних каникул, проведенных на Святой Горе, подошли к своему неизбежному концу, и я вынужден был снова пойти по мирским путям: из Кареи к Дафни, Уранополису и Фессалоникам. Здесь город показался мне ужасающе шумным, хотя в сравнении с другими городами он спокойный. Повсюду меня не покидало острое чувство говорения без смысла, одиночества, афишируемого в выкриках; люди вопили о

своем небытии, они жестикулировали посреди улицы и голосили без всякой пользы. У меня болели уши от такого шума, и несколько дней, пока я не обвык, мигрень не оставляла меня.

Видите, какая колоссальная разница в стиле жизни, какая пропасть лежит между нашим и святых отцов способом существования?! Сколько шума по пустякам здесь, в XXI веке, какой вопль земли, из которой выжаты силы, сколько утомительной бесполезности, выплеснутой на экраны и в сердца и имеющей видимость бытия.

Шум электросварки, отбойного молотка или бензопилы, грохот железных колес, включенные моторы – все это словно болезненный крик материи, перегруженной тяжестью человеческого греха и стыдящейся навязчивого желания человека восхищаться без причины.

Решить вернуться к подлинному существованию – это не значит совершить короткое замыкание всех технологических связей человечества. Это значит начать внимательней прислушиваться к голосу земли, глубже переживать таинство жизни, вернуться в деревню (по совету святого Паисия Святогорца), научиться древним обычаям, составляющим фундамент для души, прилежать к храму и глубже смотреть на это чудо жизни, которое Бог не переставая изливает на нас, – чтобы ощутить Его безграничную любовь.

Священник Иоанн Валентин Истрати
Перевела с румынского Зинаида Пейкова

Doxologia.ro

12 мая 2011 г.

Источник: http://pravoslavie.ru/46438.html